

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЫЕ
ВЫРАЖЕНИЯ

ИЗГИБЫ II

СУДЬБЫ. СЕРДЕЦ. СОБЛАЗНА.

– Месть, холодное блюдо ...
– Но сладкое. Я всегда подаю его на десерт!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОЛЬГА ГОРДЕЕВА

18+

Ольга Гордеева

Изгибы II Судьбы.

Сердец. Соблазна.

<https://litres.ru/74292327>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Мечь - это холодное блюдо

— Но сладкое. Я всегда подаю его на десерт!

АНЯ

Алекс. Мой темный бог растворился во мгле.

Новый изгиб.

Мучительный.

Вместе с ним тьма накрыла и меня, но он оставил надежду на будущее. Единственное, что я хочу спокойно родить нашего ребенка.

Улететь в Москву. Отгородиться от этого грязного мира.

Но у этих чудовищ свои планы. Отец и Данил хотят, чтобы я жила по их правилам. Превратилась в бездушную куклу. Преклонились перед ними.

Каждый из них рвется к абсолютной власти. Они мстят. Шантажируют.

И все превращается в опасную игру.

Темную.

Кровавую.

Неумолимую.

И я сяду за один стол с монстрами. Только они еще не знают, что я и стану их главным кошмаром.

Содержание

От автора	5
Дисклеймер	7
ПЛЕЙЛИСТ	8
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	29
ГЛАВА 3	49
ГЛАВА 4	87
ГЛАВА 5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Изгибы II Судьбы. Сердец. Соблазна.

От автора

Дорогой читатель!

Спасибо за ваше ожидание финальной части дилогии. Спасибо за тёплые слова, которые вы писали мне в социальных сетях и оставляли в отзывах. Они по-настоящему дороги моему сердцу.

Первая книга «Изгибы» вошла в шорт-лист конкурса «Любовь между строк — 2026» на ЛитРес — и повторила маленький успех «Граней игры. Искушение», как и в прошлом году.

В этой истории герои прошли через многое: предательство, ложь, разочарование, потери. Но главное — истинная любовь исцелила самые глубокие трещины в их сердцах.

Медленно.

Болезненно.

Без остатка.

Впервые я вела повествование от трёх персонажей. Это был вызов! Вызов самой себе и моему вдохновению. Проникнуться каждым героем, прожить его боль, его страхи, его

правду. Я довольна проделанной работой. Восемь месяцев работы, которые подарили мне колоссальное удовольствие — от каждой сцены, от каждого диалога, от каждой строки.

Надеюсь, вы тоже почувствуете этот спектр эмоций. Надеюсь, я не оставлю вас равнодушными. И пусть частица этой истории разгорится яркой звездой на небосклоне вашей души.

Я настолько вдохновилась этой историей, что для дилогии написала саундтрек — «Изгибы». Вы сможете его послушать на музыкальных площадках, перейдя в плейлист книги по QR-коду.

Еще раз искренне признательна каждому из Вас!

Для связи со мной, и чтобы одними из первых узнавать новости, приглашаю подписаться на группу ВКонтакте

<https://vk.ru/olga.gordeeva.books>

Дисклеймер

Данное произведение содержит эпизоды употребления алкоголя и сигарет, сцены насилия и «темной» романтики, упоминания и обсуждения слова «наркотики» и связанных с ним тем. Это используется исключительно в целях повествования, анализа или информирования и не направлено на пропаганду или одобрение употребления наркотических веществ.

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми и ситуациями случайны. Поступки и мировоззрение героев могут не соответствовать вашим ожиданиям или моральным нормам.

Автор не ставит целью романтизировать деструктивное поведение, не пропагандирует и не призывает к действиям, описанным выше, а лишь рассказывает историю такой, какая она есть.

Приятного чтения!

ПЛЕЙЛИСТ

Ольга Гордеева – ИЗГИБЫ

Bad Omens – THE DEATH OF PEACE OF MIND

Bad Omens – Dying To Love

Bad Omens – Specter

Bad Omens – What It Cost

Portals – Where It All Begins

Sam Tinnesz, Yacht Money - Play with Fire

Tommee Profitt, Beacon Light, Sam Tinnesz – Enemy

Ashes in Your Eye – Drunken in Your Eye

XOLIDAYBOY – Америка

ГЛАВА 1

АНЯ

... Та воронка из черных облаков затянула меня...

Обратно...

В Инферно.

Сегодня похороны любимого мужчины. Мужчины, который цинично лгал мне. Мужчины, который скрывал от меня тайну. Тайну, рвущую душу на части. Но вместе с этим он оставил смысл жизни. Чудо.

Я не пошла на кладбище.

Я не успела.

Час назад я вынырнула из сладкого сна, растянувшегося

на трое суток. Лучше бы я оставалась в нем.

С ним.

Там я проживала снова свои счастливые дни. Такие яркие. Беззаботные.

Стоя босиком на холодной плитке на балконе в доме отца, я вглядывалась в бескрайние просторы морской глади. Сильнее закуталась в вязаную кофту, обнимая себя.

Голова до сих пор чугунная. Тело ватное. Голосовые связки болят.

Хочется кричать.

Истерично.

Громко.

Но крик застыл комком в горле до тошноты.

Боль в груди.

Пронизывающая.

Душераздирающая.

Мучительная.

Я больше не слышу, как стучит мое искалеченное сердце. Измученное. Истерзанное.

Его разбили.

Осколки стерли в порошок.

Превратили в пыль.

Хочется плакать. Но мои веки налились свинцом и не могут выдавить ни единой слезинки.

Сорванный голос. Горькие слезы. Любящее сердце. Я все оставила на том необъятном поле под нависшими грозowymi

тучами. Я так орала, захлебываясь слезами.

До потери сознания.

До темноты в глазах.

До полного изнеможения.

Прикрывая глаза, набрала полные легкие воздуха и тяжело выдохнула.

— Дочка... — я услышала тихий ласковый голос отца и ощутила его прикосновение на плече.

Я вздрогнула.

Не заметила, как он вошел в спальню.

— Да... — обернулась я.

— Как ты? — с волнением спросил он.

— Лучше, — солгала я, собирая последние силы, и безнадежно уточнила. — Что с Артуром?

— Он жив... Жив... — утвердительно кивнул головой. — Операция прошла успешно. Скоро он будет с нами.

Я облегченно выдохнула.

Мы пристально смотрели друг другу в глаза, и я все еще не могла поверить, что спустя много лет я снова увидела отца. Я надеялась, что я буду под его защитой. Он станет моей поддержкой и опорой.

Правда? Да?

— Папа... — едва шевеля губами произнесла я. — Почему? Почему ты оставил нас?

Он убрал прилипшую от слез прядь волос с моей щеки. Снял очки и посмотрел меня с сожалением.

— Присядем?

Я первой прошла с балкона в спальню с ванильными стенами. Отец последовал за мной. Мы устроились на коричневом диване в углу, у окна.

— Дочка... — его теплая морщинистая рука хотела было накрыть мою, но я отдернула ладонь и прижала ее к животу.

— Я слушаю... — пыталась говорить строго.

— Пятнадцать лет назад... я ушёл не потому, что разлюбил вас или завёл другую женщину, другую семью. Нет. — он тяжело вздохнул. — Я нарвался на серьёзные проблемы. Тогда, в девяностые, вокруг был сплошной рэкет. По глупости связался не с теми людьми и ввязался в грязные разборки. Сначала я просто хотел заработать. Заработать *для вас*. Работы почти не было, нормальную найти не получалось... — Он говорил глубоким прокуренным и ледяным голосом. — Я был молодым и наивным. Этот мир засасывал меня. Из одних разборок в другие...

Меня уже держали на крючке в банде Глеба, и следующим заданием было сжечь дачу в Подмосковье. Сказали, что она пустует и нужно уничтожить какие-то важные бумаги, которые там хранятся. Пообещали больше денег, чем обычно.

Мы приехали посреди ночи. Облили дом бензином по периметру, подожгли... Сидя в машине, курили и ждали, когда пламя охватит дом. А потом изнутри слышался визг. Вот тогда мы сорвались с места. Уже позже я узнал, что в пожаре погибли трое. Тогда я не знал, что сгорела семья Нагорного.

После этого Глеб начал шантажировать меня: либо я работаю на него и его шакалов, либо меня сажают за решетку.

Я выбрал их.

И оставил вас.

Оставил, чтобы вас никто не нашёл. Чтобы вы могли жить спокойно. Как все. Да, я понимал, как вам будет тяжело. Но ещё сильнее я боялся другого: что однажды потеряю и вас.

Я проделал тернистый путь к вершине мафии. В первые годы погубил немало жизней. Через пять лет наши дороги с Глебом разошлись, и я познакомился с одним торговцем оружием. Мы быстро сблизились, работали вместе, заходили в общие сделки. Но через пару лет его убили — вместе со всей семьёй. Я забрал его власть себе.

Только потом выяснилось, что помимо оружия у него был ещё и **наркобизнес** в Прибалтике. И им тоже стал управлять я. Спустя время мы снова пересеклись с Глебом. Сначала просто общались, потом он пригласил меня в картель как союзника. Я согласился ради усиления своего влияния, авторитета и силы.

Позже Глеб передал власть Алексу. И я больше не появлялся на собраниях. Не хотел вспоминать прошлое. Вместо меня ездил мой помощник Лука.

Чуть больше полугода назад мы сидели у Глеба дома, пили виски. Нам доложили, что к воротам пришёл какой-то мужчина, похожий на бомжа. Его практически сразу выставили, но Алекс каким-то чудом успел с ним поговорить — и узнал,

что я причастен к тому пожару, в котором погибла его семья. Этот мужчина оказался следователем в отставке.

В ту ночь он стоял на крыльце соседнего дома и видел, как мы крутимся вокруг особняка с канистрами бензина. Он запомнил машину, номера, какие-то мелкие детали — и, похоже, все пятнадцать лет по крупицам пробивал информацию по базам. Он знал, что за огромные деньги может слить это дело, но не хотел вмешиваться. Затаился. А когда его дочери срочно понадобились деньги на лечение, пришёл к Нагорному. Глеб выгнал его тем вечером и приказал убить. Алекс успел перехватить его, и он сразу же часть материалов из досье показал ему. Тот перевёл ему половину оговорённой суммы и пообещал заплатить остальное, когда пробьёт всё по своим каналам достоверность информации.

— И этот мужчина умер, — с презрением посмотрела я на него, теребя уголок кофты.

— Да, сразу на следующий день, — бездушно произнес он. — Алекс нанял детектива и раскрутил это дело. Глебу нельзя было светиться: иначе это качнуло бы весь наш бизнес. Поэтому официальным заказчиком выставили меня. Нагорный уверял, что Алекс не решится вас искать и не причинит вам вреда. Перебесится, как сказал Глеб, — иронично усмехнулся отец, сжимая крепче рукоять трости с головой волка.

— Зачем дяде нужно было убивать так жестоко? — не веря, прошептала я. — Убивать родного брата...

— Ему были нужны деньги, чтобы развернуть и укрепить бизнес. Много денег, — мрачно продолжил он. — Он продал всю семейную недвижимость, масштабировал компанию. После пожара он забрал Алекса и Даню к себе... Хотя, уверен, рассчитывал, что никто не выживет. Он как-то раз откровенничал со мной по пьяни и признался, что запер родителей Алекса в спальне. Это был день рождения Алекса. Они отмечали его на даче. Брат Глеба с женой легли спать пораньше. Он немного посидел с племянниками, потом дети тоже ушли наверх по своим комнатам. Когда все в доме уснули, он подготовил всё для нас и уехал в гостиницу.

У меня защипало глаза. Как ни странно, я ещё острее почувствовала его боль.

Ближе.

Глубже, чем раньше.

Как свою.

Он слышал и видел, как горит его семья. Заживо. Уверена, ему снились кошмары. Преследовали призраки. Монстры по имени «Разочарование» и «Мсть» поглотили его светлую сторону.

— Все эти годы я приглядывал за вами. Последние восемь лет мы тайно встречались с вашей матерью. Я её очень любил, — неловко откашлялся он. — Я всегда оставлял ей деньги. Просил, чтобы она позволила мне увидеться с вами. Но она была против. И была права: это было опасно. Мы просто хотели для вас лучшей жизни.

Он замолчал на пару секунд, уставился в пол, глубоко вздохнул словно собирался с мыслями, затем добавил:

— *Со своим мужем ты тоже познакомилась не случайно.*

Я распахнула глаза и застыла.

Оцепенела.

— Что-о-о? — в удивлении протянула я, приложив ладонь ко рту.

Отец приподнял подбородок и решительно взглянул на меня.

— Мы с Давыдовыми партнёры много лет. Этот брак мы планировали давно. Когда мы рассказали Дмитрию о тебе и показали твою фотографию, ты ему понравилась. Он должен был подстроить вашу встречу.

Тогда он попросил сестру перевестись в вашу танцевальную школу. К сожалению, её убили люди из другой криминальной группировки. Конечно, мы отомстили. Всё сделали чисто.

А ты при таких печальных обстоятельствах и познакомилась с ним. Но всё сработало даже лучше, чем мы ожидали. Давыдов-младший очень быстро справился со своей задачей — жениться на тебе.

— Зачем? — голос предательски дрогнул.

— Я хотел, чтобы у тебя был надёжный муж. Чтобы ты ни в чём не нуждалась. К тому же ваш ребёнок мог бы ещё сильнее скрепить наш деловой союз, — он говорил так, будто обсуждал сделку.

Моя прошлая семейная жизнь оказалось фальшивой.
Ненастоящей.
Фиктивной.

Давыдов просто играл по правилам системы. *«Это одна из истин нашей совместной жизни»* откликнулось эхом с нашего последнего разговора.

И я была очередной шестеренкой в этом механизме. *Разочарование вступило в борьбу с той надеждой на мою безопасность.*

— Как всегда: «позаботиться», даже не спросив, чего хочу я, — я недовольно покачала головой и скрестила руки на груди.

— Такая жизнь. Не романтизируй, — он сжал переносицу, дал мне минуту переварить

Внутри бурлил гнев.

Затаенный.

Скрытый.

Опустив глаза в пол, я сжала ладонь в кулак. Набираясь самообладания, не стала спорить. У меня не хватило бы сил.

Пока.

Я просто хотела услышать конец этой истории.

— Что было дальше? — низким голосом спросила я, и он продолжил:

— Умерла твоя мама. Ты исчезла... Мне сообщили, что ты у Алекса. Танцуешь в его шоу. И тебе очень нравится. Глеб снова заверил, что он не причинит вреда. Если бы не

попал в больницу в командировке, я сразу забрал бы тебя отсюда. За Артуром тоже приглядывали. Только этот паршивец пробовал всякую дурь. Когда он выйдет из больницы, придётся хорошенько промыть ему мозги.

— В этом я тебе помогу, — тихо согласилась я.

Отец откашлялся в кулак и продолжил:

— Но потом Глеб признался, что у тебя случился роман с Алексом и намечается какая-то свадьба, — нахмурился он, словно это было каким-то недоразумением. — Это казалось немыслимо и несерьезно. Я уже подозревал, что он мог быть причастен к смерти твоей матери. Но, зная о её больном сердце, даже не думал, что он провернёт всё так чисто... пока Данил не рассказал мне всё.

Он на секунду замолчал и мрачно посмотрел на меня в упор:

— Знаешь, что бы ни творилось сейчас у тебя на душе, я рад, что Алекса больше нет в этом мире. Он бы не остановился. От него были бы одни неприятности...

Я истерично засмеялась.

То, что я ему сообщу, папочку «обрадует», а насколько сильно — даже будет интересно.

— Я беременна от него, — твёрдо заявила я.

— Я знаю, — будничным тоном ответил он. — И тебе нужно сделать медикаментозный аборт. Завтра заедешь к гинекологу. — Отец надел очки и мгновенно спрятался за непроницаемым выражением лица. В нем не дрогнула ни од-

на мышца.

Я сверлила его глазами, осознавая только что сказанные слова. *Так просто?*

— Я не ослышалась? — нахмурилась я.

— Нет. Мы не должны иметь с ними ничего общего. Я планирую продать весь бизнес в Прибалтике Глебу или кому-нибудь еще, выйти из картеля и больше никогда не пересекаться с их семьёй.

— «Нет»? — в недоумении повторила я.

— Никаких Нагорных, пока я жив, в нашей жизни не будет. Ты поняла меня? — грубо спросил отец.

Я нервно расхохоталась, задрав голову. Смех получился зловещим, надломленным, постепенно переходя в отчаянный.

Отец внимательно изучал меня, поджав губы.

Я резко поднялась. Рана в боку болезненно кольнула. Уперла руки в бока и нервно прошлась мимо него туда-обратно, всё ещё не веря в услышанное. Затем приостановилась, сменив выражение лица на жёсткое, и шагнула к нему.

— Нет, папочка, — суровым голосом произнесла я. — Я не сделаю этого. Никакого аборта не будет.

— Почему? Так сильно влюбилась в Алекса? Или боишься, что у тебя больше не будет детей?

— Да, я влюбилась в него... и да, моя беременность — это подарок судьбы! — повысила я голос и ткнула в отца пальцем в воздухе.

— Обещаю, ты выйдешь замуж за другого состоятельного мужчину, у тебя будет семья, и всё, что происходит сейчас, ты забудешь, как страшный сон, — твердо произнёс он, пытаясь вселить в меня уверенность и переубедить.

К сожалению, у него ничего не выйдет. Не получится. Каждый осколок моего сердца насквозь пропитан одержимой любовью к нему. От одной мысли о том, что он мёртв, грудь наливалась свинцом. От одной мысли о том, что я могу потерять ребёнка. Потерять еще раз. Внутри все леденело.

Дрожало.

Замирало.

Я едва сдерживала слёзы, глубже втянула воздух, попыталась заблокировать чувства и приняла саркастичный вид.

— Мужчину, которого ты опять подберёшь за меня? — иронично усмехнулась я.

— Браки по расчёту — обычное явление в нашем мире. Их заключали ещё с древних времён. Не стоит этому так удивляться.

— Как ты можешь так говорить? Как ты можешь так поступать? Ты же все эти годы любил маму. Ты её выбрал.

— Да. Но... я многим пожертвовал.

— Нужно ли было жертвовать тем, чтобы не видеть, как растут твои дети? — возразила я, прикрыла глаза, пытаясь сдержать слезы, набрала воздуха и тихим проникновенным голосом продолжила. — *Знаешь, я лучше бы голодала, но была сыта твоим вниманием и любовью.*

— И всё же выбор уже сделан, — от него по-прежнему веяло холодом. — Завтра ты примешь эти таблетки. Забудешь — и мы пойдём дальше. Это будет не больно. Не переживай. *Забудешь? Будет не больно?*

Правда?

— Завтра я уеду. Я не останусь с тобой, — возмущенно воскликнула я.

— Ты будешь жить здесь, — прикрикнул он и громко стукнул тростью о пол. — Вскоре я познакомлю тебя с одним важным мужчиной, — твёрдо сказал отец, поднимаясь с дивана. — Артур, как поправится, будет работать со мной. Ему пора возглавить мой бизнес.

— Мне. Никто. Не. Нужен, — отчётливо произнесла я.

— Разговор окончен, — жестко ответил он. — Будет так, как я сказал.

Отец поднялся, похромал к двери, остановился на пороге. — Приведи себя в порядок. Нужно спуститься к ужину. Надеюсь, ты помнишь свои обязанности с тех времен, когда была Давыдовой?

Дверь с хлопком закрылась, и в замочной скважине со скрежетом провернулся ключ. Только он оставил меня одну, как я рухнула там же, где стояла, прямо на ковёр. Судорожные всхлипы вырывались раньше, чем я успела расплакаться. *Разочарование одержало победу, вонзив клинок прямо в сердце хрупкой надежды.*

Она раскололась.

Разрушилась.

Разбилась.

Догадываюсь, что не случайно я провела несколько дней без сознания — чтобы не сорвалась и не поехала на похороны Алекса, и не встретилась с Нагорными.

У меня снова отняли свободу. Снова хотят сделать тенью. Фантомом.

Бесхребетной куклой.

Но в этот раз у него ничего не выйдет.

Я опять оказалась в ловушке.

В клетке.

Меня снова хотят приручить, как зверюшку. Меня опять никто не спрашивает, чего хочу я. Я должна поступать *«как следует»*, как им удобно, *«правильно»*, без лишних движений.

Никогда бы не подумала, что мой отец — мафиози с миллиардным нелегальным бизнесом. Но еще сильнее поразило то, насколько жестким и бессердечным он стал. Для него важны только собственные цели, желания и амбиции и его совсем не волнует, что, добиваясь своего, он хочет лишить меня ребенка, своего внука.

Я хотела увидеть брата, разрыдаться у него на плече. Но он сам ещё не может прийти в сознание.

Я ведь сильная?

Нет. Не сейчас.

Пока все силы окончательно покинули меня.

Мне нужно время, чтобы собраться с мыслями.

Собраться с чувствами.

Привыкнуть.

Пережить вихрь эмоций, который крутит мои внутренности по кругу, завязывая в крепкие узлы. Запутывая их.

Воздух в комнате после ухода отца стал напряженным.

Затхлым.

Тяжелым.

Урывая ртом кислород по кусочкам, я медленно поднялась, вышла на балкон, крепко ухватилась за чёрные металлические перила и уставилась вниз с третьего этажа. Голова слегка закружилась. В глазах потемнело. Я попыталась прийти в себя и перевела взгляд на горизонт бушующего моря.

В памяти по крупицам восстанавливались события, произошедшие на том грёбаном поле. Фрагмент за фрагментом.

Лучше бы я их забыла. Навсегда!

Самое болезненное, самое невыносимое, что отзывалось во мне — *Алекса больше нет.*

Я больше никогда не почувствую его прикосновений, от которых вся искрила.

Не увижу его.

Никогда.

Он — воздух.

Он — ветер.

Я крепко прижала руки к животу, обнимая его, словно пытаюсь нащупать хоть какую-то связь.

Я не пришла на похороны человека, которого любила всем

сердцем, в котором растворилась, ради которого была готова умереть.

Я отчаянно бросалась под пулю, пытаюсь его спасти.

И в то же время — это человек, который солгал мне, который стал причиной разрушения моей прошлой жизни. Человек, который запустил трагичную вереницу событий пять месяцев назад.

Как и мой отец сжег его семью.

Весы у Фемиды выровнялись. Да?

Но почему, несмотря на всё это, так болит сердце?

Почему меня по-прежнему неудержимо тянет к нему?

Это так неправильно.

Так несправедливо.

Я снова разрыдалась.

Мою печаль и скорбь по нему уже не собрать.

Никогда.

Никому.

Даже мне самой.

Это шрам любви, который до конца жизни будет кровить внутри. Болеть. Терзать.

Как ни парадоксально, он стёр все смыслы в моём прошлом, но оставил единственный смысл жить сейчас.

В тот день мы должны были быть счастливы. Я должна была преподнести ему в подарок новость о том, что мы ждём ребёнка. Но день рождения стал его последним днём.

Он так и не узнал. Я не увидела его счастливых глаз.

Боль снова вспыхнула во мне.

Такая дьявольская.

Удушающая.

Невыносимая.

Одной рукой я обхватила горло, а вторую прижала к груди.

Дыхание перехватило огромным, тяжёлым каменным комом. Он не давал ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Тело судорожно дрожало, звенело изнутри от мёртвой тишины, которая будто рвала перепонки.

Я одна.

Эхом отзывалось во мне.

Одна-дна-на-а.

Отказалась спускаться к ужину, и еду принесли в спальню. Я лишь поковыряла стейк лосося в тарелке и заставила себя проглотить пару кусочков ради ребёнка.

Всю ночь я то засыпала, то снова просыпалась в слезах и холодном поту, уставившись в яркую луну за окном.

Стоило снова провалиться в сновидения — там был он.

Там были *нашиночи*, *нашидни*.

А сейчас ничего не осталось.

Вакуум.

Абсолютная пустота.

Черный Лист.

Ночь.

Мгла

Разве розы могут расти во тьме?

Вряд ли. Да?

Ранним утром я вышла на балкон, глубоко вдыхая прохладную свежесть. Хотела почувствовать дыхание ветра на коже, словно через него могла ощутить его нежные прикосновения.

Зачем я представляю его? Зачем?

Разве я не должна ненавидеть его?

Любовь к нему поглощала.

Накрывала.

А сейчас её захлестнуло волной и разбило о холодный каменный утёс.

Я бессильно опустилась на деревянный стул и почти загипнотизированно смотрела на блеклую луну, очертания которой стирало чистое светлое небо.

Я вытирала мокрые дорожки слёз, прижимала пальцы к воспалённым векам, чувствуя, как глаза опухли.

Чтобы не слышать собственные горькие всхлипы, прикусила руку, зажимая её зубами.

Произошёл новый изгиб.

Кровавый.

Ещё более болезненный.

Я только снова научилась летать — и резко сорвалась вниз, прямо на пик, который проткнул хрупкое сердце. Сейчас я захлёбывалась собственной кровью и ничего не могла

с этим сделать.

Стеклянная колба с алой розой разбита. Цветок вырвали из земли с корнем. И теперь он медленно сохнет.

Погибает.

Исчезает.

Угасает.

ГЛАВА 2

ДАНИЛ

Алекс мертв!

Власть — моя.

Его любимая девушка тоже скоро станет моей. В конце августа я женюсь на ней. А он уже не сделает этого *никогда*.

Он говорил: «Не прикасайся к *моей* девушке».

Да чёрта с два.

Теперь она будет моей женой, и мы нарожаем столько детишек, сколько ему и не снилось на том свете. У нас будет столько пламенных ночей любви, а у Алекса их уже не повторится никогда.

Я всё просчитал идеально: подкинул ему детонатор, поставил таймер на три минуты после того, как он отъедет. Взорвал его ко всем чертям. Превратил в его пепел. Стер в порошок.

Карты легли безупречно. Как же я доволен!

Наконец-то я начинаю новую жизнь, где есть я один.

Я — первый.

Я — главный.

Никаких приказов от старшего брата.

Какой прекрасный день рождения! Я получил все подарки, о которых так долго мечтал.

Это лучший день в моей жизни!

К сожалению Алекса, его предали все вокруг, пока он был слишком увлечён своей кошечкой.

Теперь моей кошечкой!

Я уже представляю, как буду ласкать её между бёдер, как она будет стоять на коленях между моих ног... Но спешить нельзя. Ей нужно дать немного свободы, чтобы сначала она привыкла ко мне. К моей лицемерной доброте и нежности.

В кабинете я откинулся на кожаном диване, вытянул ноги на пуф и лениво поглаживал свою прекрасную кошку.

Скоро у меня будет вторая.

Я весь горел в предвкушении: как она скажет мне «да» на церемонии, как мы обменяемся кольцами, и какую бурную брачную ночь я ей устрою.

Уставившись в белый потолок, я почесывал кошку за уш-

ком и продумывал детали.

Я уверен, она согласится — у неё просто не останется выхода. После похорон Алекса её брата похитят из больницы и будут удерживать до дня свадьбы. И только когда она поставит подписи в книге регистрации брака и ляжет в мою постель, только тогда я позволю ей обнять его.

Чудесный план.

Великолепный.

Гениальный.

— *Ты ведь тоже согласна, да? Я превосхожден?* — я приподнял голову и посмотрел на свою пятнистую бестию.

Бенгальская кошка лениво приоткрыла один изумрудный глаз.

Но я уверен: если бы она могла говорить, она бы согласилась. Кошки этой породы верны лишь одному хозяину.

Стоило кому-то к ней сунуться, и она шипела, показывала острые зубы и коготочки.

После того, как я хладнокровно пристрелил жену и ее любовника, захотел кого-то преданного мне. Но точно не из людей.

Она оказалась лучшим вариантом и примером надежности.

Пока...

Стоит даже открыть дорогую бутылку коллекционного вина. Кстати, тоже моего покойного братца. Он берег её для особого случая.

И этот прекрасный случай, наконец, настал.

Я аккуратно переложил свою дорогую зверюшку на диван и поднялся. Прошёл к бару в его кабинете, достал бутылку, вернулся, открыл и плеснул в бокал. Лениво покачал вином, сделал глоток и подошёл к панорамному окну с видом на Балтийское море.

Приподнял бокал: *ну что, братец, с днём рождения.*

Где-то там остатки твоего поджаренного тела, наверное, уже доедают чайки.

Завтра Алекса похоронят в закрытом пустом гробу.

В самом дешёвом.

Я позаботился: никаких лишних почестей. Могила — на самом краю кладбища, обычный деревянный крест, на котором кое-как выскоблят его имя, даты рождения и смерти. Ровно двадцать девять лет.

Для вида — парочка жалких венков и несколько гвоздик.

Достаточно.

Ты и этого был не достоин!

Я и не заметил, как с удовольствием осушил бокал. Налил второй и выпил уже с настоящим упоением собственного превосходства. Вздохнул так легко и свободно, что захотелось, чтобы пришла Мэри.

Теперь, даже если её тело будет в синяках с головы до ног, мне об этом никто не посмеет сказать. Эта девочка влюблена в меня. И ей нравятся наши игры.

— Ты совсем не выглядишь расстроенным, — раздался

голос дяди.

Я медленно обернулся, вальяжно отошёл от окна и опустился в кожаное кресло.

— Нет, я не расстроен. Всё, чего я хотел, теперь принадлежит мне, — я залпом допил вино и поставил бокал рядом с ноутбуком.

— Ты распорядился насчёт похорон? — он сел за стол.

— Конечно. По самому лучшему разряду, — по-волчьи ухмыльнулся я. — А ты что, скорбишь по любимому племяннику?

— Это ведь *ты*отправил его на тот свет? — дядя прищурился с хитрым видом и нахмурил морщинистый лоб.

— Да, я, — гордо признался я, приподнялся, наклонился вперёд, упираясь ладонями в край стола и тихим мрачным голосом продолжил: — И так, что от него ничего не осталось. Заметь, я и тебе оказал услугу. Алекс последние полгода был неуправляем. А сейчас, когда он узнал, что *ты*предатель и настоящий заказчик убийства наших родителей, он бы испепелил тебя. Сегодня ты сидел бы на электрическом стуле и обтекал кровью. Так что скажи спасибо.

— А ты опасен, — грубо и цинично произнёс дядя. — Не ожидал, что ты настолько жаждешь крови.

— По-моему, я уже доказал тебе, что достоин возглавлять бизнес, когда выстрелил тогда, в шестнадцать лет, впервые Алекса .

— Значит, однажды ты сможешь выстрелить и в меня.

Отомстишь за смерть родителей.

— Только если ты встанешь у меня на пути, — холодно парировал я, выпрямился и сложил руки на груди.

— Недооценил тебя... И какие у тебя планы?

— Усилить картель. И жениться! — с наслаждением воскликнул я.

— Жениться? На ком? — с огромным удивлением спросил Глеб, выгибая густую бровь.

— На Авериной, — я вернулся на кресло.

— И ты туда же? — недовольно бросил дядя.

— Да. Она станет моей женой. Ты знал, что она беременна от брата?

У дяди приоткрылся рот и тут же захлопнулся.

— Да-а-а... Алекс всё-таки успел оставить след, — ядовито сказал я, оценивая удивление дяди.

Он почесал указательным пальцем морщинистый лоб и, сжав губы, посмотрел на меня.

— И это даже лучше! — воскликнул я, меняясь в эмоциях. Дядя не успевал их сканировать. — Когда она родит, у меня всегда будет, на что давить. Теперь это её слабое, уязвимое место. Если она будет вести себя хорошо, то я приму этого ребёнка и представлю его как своего.

— И как ты собираешься заставить её выйти за тебя? — дядя иронично усмехнулся в ответ и закинул ногу на ногу.

Глеб сразу понял, что в мою сторону лучше не гавкать и не возражать, что с Авериним связываться нельзя, и, видимо,

поэтому принял мои правила игры.

— На днях за её братом будут присматривать *мои* люди.

— Ты с ума сошёл! Аверин тебе этого не простит. Полагаю, после всего, что произошло, он вообще разорвёт с нами любые дружеские связи.

— Ты переживаешь?

— Я знаю, через что он прошёл. И твоя расчленёнка людей рядом не стояла. Он зубами выгрызал артерии, чтобы выжить, — буднично предупредил дядя.

— Сейчас его зубы уже не те. Да и он не станет рисковать жизнью собственного сына, — грубо отрезал я.

— Ты перегибаешь палку, — повысил голос дядя.

— Я её уже сломал, — я хищно и самодовольно улыбнулся.

— Хм... — хмыкнул дядя. — А что ты будешь делать с Фабрицио?

— У него больше ничего нет. Весь товар сгорел к чёрту. Вчера он поссорился с Рейнгардтом — тот разорвал с ним отношения. Он потерял кучу денег. Мексиканцы, которые собирались вести с ним дела, поняли, что он неудачник. Сейчас он где-то в своей норе зализывает раны. Как только вылезет — я просто прикончу его и перешагну.

— Окей. Ты у руля, — бросил дядя. — Надеюсь, справишься. Только что дальше?

— Присоединю Балканское направление, которое курирует Аверин. А его щенок пусть разбирается с торговлей ору-

жем.

— Ты уверен, что он принесет на блюде и дочь, и территории? — рассмеялся дядя, глядя на меня как на клоуна.

— Уверен.

— Тогда я повторюсь. Ты у руля.

— Удивительно, что ты так быстро согласился. Боишься меня?

— Нет. Хочу посмотреть на что ты способен.

— Тебе понравится шоу, — растянулся в диком оскале и сделал глоток красного вина. Капля потекла с уголка рта, я вытер ее большим пальцем и облизнул кончиком языка, словно это была кровь. — Тебе понравится. Даже не сомневайся.

Дядя тяжело поднялся, выдохнул и вышел, оставив меня одного.

Допил остатки вина из бокала и отправил Мэри сообщение с приглашением прийти ко мне в спальню.

Я покинул кабинет брата, прихватив еще бутылку коллекционного вина, и по пути домой половину опустошил прямо из горла. В холл я вошел гордо и надменно. Он был таким пустым. Таким холодным. Но уютным для меня.

Теперь я здесь хозяин!

— Эй! — крикнул я, и глухое эхо прокатилось по полутёмному помещению.

— Теперь я главный, слышите? — еще громче проорал, и мой демонический смех разнесся отголосками.

Покачиваясь, поднялся к себе в комнату, сжимая за горлышко недопитую бутылку. Не успел сделать глоток, как в раздался короткий стук. Я поставил бутылку на журнальный столик и распахнул дверь. В комнату, в дорогом чёрном кружевном белье, вошла Мэри и неторопливо прошла в центр.

Этот комплект подарил я. В прошлый раз она была послушной малышкой! *Очень терпеливой малышкой!*

Темноволосая девчонка сразу бросилась мне в глаза, когда я впервые увидел её в одной танцевальной школе. Она с лучезарной улыбкой подписала контракт. Я долго за ней наблюдал. Ждал. Обхаживал.

И выиграл.

Сначала я за ней нежно ухаживал, отвечая на кокетливые взгляды, видел как она влюбляется в меня и становится зависимой. Особенно когда она была готова сделать для меня всё, что я попрошу.

Глупышка.

Сейчас она стоит передо мной по стойке «смирно».

Напряжённая.

Пытается выдавить искреннюю улыбку.

Такие милые загнанные глаза ягнёнка сразу выдают её. Бледная, почти фарфоровая кожа. И этот запах страха — я чувствую его. Я наслаждаюсь им. Он возбуждает меня, как никогда.

Я подошёл к ней ближе, обнюхивая ее тело. Костяшками провел по ее скуле. Коснулся её губ и властно углубил по-

целуй, сжимая её ягодицу и скользя пальцами под полоску стрингов между сухих невозбужденных складочек. Ее грудная клетка забила в тревоге.

Я разорвал поцелуй и недовольно посмотрел на нее. Ладонь скользнула по шее, зарываясь пальцами другой руки в волосы и грубо сжимая у самых корней.

— Не хочешь меня? — спросил я низким голосом словно из самого ада.

— Хочу... — испуганно прошептала она.

— Я не услышал... — я дернул ее за волосы, и засунул второй палец в ее плоть.

С ее рта сорвался сдавленный стон.

— Хочу... — громче сказала она.

— Может тебе есть еще что добавить? — дьявольски тихим баритоном произнес я, резче окуная палец в нее. Она по-прежнему оставалась сухой.

— Хочу... конечно хочу... Ведь я люблю тебя, — тонко пропищала она и совсем неправдоподобно.

— Любишь?

— Да... — увереннее ответила она.

— Тогда докажи.

Стерва послушно кивнула. Она приподняла ногу, ставя носок на край стеклянного столика, словно приглашая меня. Я крепче схватил ее за прядь волос, страстно сплел наши языки, вводя в нее второй палец.

— Не чувствую твой любви... — мрачно выдохнул ей в

рот и прикусил нижнюю губу.

Мери начала вертеть тазом и бедрами.

— Хорошая девочка... — с удовольствием похвалил я, отпустил ее волосы и расстегнул бюстгальтер. Я вытащил из нее пальцы, отошел на шаг, с похотью осмотрел ее.

— В постель, — приказал я.

Она робко кивнула. Не успела она сделать и пары шагов, как я резким рывком обхватил ее за талию, швырнул на кровать и стянул с неё стринги.

— Сегодня прекрасный день. Я даже буду с тобой мягче, чем обычно, — усмехнулся я, выпрямляясь на коленях и зажимая её ноги между своих.

Она вытянула руки над головой, прикладывая запястья друг к другу, зная уже нашу интересную игру.

Коварную.

Изошренную.

— Молодец, девочка, — протянул я и вытащил из прикроватной тумбочки шелковые красные ленты.

Обмотал запястья и привязал к прутьям изголовья кровати. Она отвернула голову, а я наклонился и кончиком языка слизал слезинку с ее щеки.

— Надеюсь, это слезы счастья, — хищно ухмыльнулся я.

Стерва неохотно и плавно развела ноги, а я одним жестким толчком вошел в нее.

Мэри вздрогнула, закричала и разрыдалась.

И именно это нравилось мне больше всего.

Её страх.

Я питался им.

Она становилась для меня источником порочного наслаждения. Я ел его большими ложками.

В больших порциях.

Я наклонился ближе и одной рукой обхватил ее горло, грозно взглянул на нее, чтобы её надломленные всхлипы стали тише.

Она судорожно глотала воздух, уткнувшись мертвым взглядом с застывшим в нем ужасом в потолок, словно я ее кошмарный сон.

Я нежно коснулся ее губ, ослабив хватку, чтобы она насытилась кислородом.

Провел взглядом по ее лицу к декольте.

Завтра новые синяки останутся на её тонкой шее.

Такой изящной.

Такой нежной.

Такой грациозной.

Она хватала воздух, голос срывался:

— Пож... отпусти меня...

— Что? — я вскинул бровь. — Ты же любишь меня. Значит должна таять от моих прикосновений.

— Не-ет... — еле выдавила она дрожащими губами.

Я дал ей звонкую пощечину. Эта сучка должна знать свое место. Из уголка ее рта пошла кровь. А я продолжил жесткие толчки.

Комнату наполняли сбивчивое дыхание и глухие всхлипы.

Я любил долго трахаться.

До полного ее изнеможения.

До полного угасания ее разума.

До судорог тела.

В моменты, когда она почти «выключалась», мне помогали кожаные плетки и острые предметы. Да и мой учтивый язык мог так же быстро реанимировать положение.

Некоторым не везло если брыкались.

Спротивлялись.

Защищались.

Они все равно оказывались в моей власти, и тогда я оставлял раны глубже.

Как в теле.

Так и в душе.

Я ломал их.

А иногда наши игры не заканчивались только на мне. Я сидел в кресле и смотрел как с моей жертвой играют грязные ублюдки.

Как и сейчас, наполнив ее своей спермой, к полуночи я вызвал одного мерзавца, чтобы повеселиться с ней.

Сидя в кресле, держа сигарету между пальцев и выпуская клубы дыма в потолок, приказал громиле отыметь ее.

— Пусть она отсосет у тебя, трахни и убирайся, — стальным голосом проговорил я и затушил сигарету в пепельнице.

Посмотрел на это приятное зрелище и вышел на балкон.

Чем более хрипло она орала, чем громче из последних сил доносилось мое имя — «Данил!» — тем шире расплзалась моя акулья улыбка.

Стоя голым на балконе и допивая вино из горла, я окунулся в воспоминания. Я был самым младшим в семье.

Последним.

Вся любовь родителей будто доставалась моим братьям.

Особенно Алексу. Мамино сокровище. Он часами сидел с ней, перебирая эти чёртовы книги.

Кирилл вечно крутился возле отца, что-то чинил, помогал, бегал за ним хвостом.

А на меня у них никогда не хватало ни времени. Ни любви. Ни банального общения.

Ни у кого.

Я донашивал их одежду, доигрывал их игрушками.

Когда нам было по двенадцать, даже друзья и девчонки предпочитали их компанию. Я сидел один на железных скрипучих качелях на пустыре, пока они тусовались где-то.

Вспомнил, как меня тогда избили одноклассники. Алекс болел в тот день. Я пришёл к братьям за помощью — надеялся, что помогут дать сдачи. Но Кирилл уехал на соревнования, какие-то школьные старты. Школьные старты, блять, важнее родного брата.

Алекс проболелся и, как всегда, застрял в библиотеке с матерью.

Они посчитали, что это драка была несерьёзной, как и моя

намерения дать отпор.

Тогда я остался один. Тогда я понял, что на них нельзя положиться. И я впервые пошёл к старшим пацанам. С ними же я затянулся первой сигаретой. Сделал для них пару услуг — и в конце года они помогли мне разобраться с теми мелкими вонючими скунсами, которые постоянно пытались унизить меня.

В тот момент я испытал такое приятное чувство великолепия.

А потом случился пожар на даче.

И тогда я, как ни странно, по-настоящему обрадовался, что попал к дяде.

Я всегда ждал его приездов. Он один привозил мне лучшие подарки и обещал, что когда-нибудь я буду работать с ним. Я верил.

Но в итоге и он выбрал Алекса.

Снова.

А мне, как псу, бросили кость без мяса. Ради одолжения «доверили» клуб. Только без одобрения Алекса там не принималось ни одного решения.

Ни единого шага.

Это было не самое страшное, что меня сломило.

Изменило меня.

Я влюбился.

В одну симпатичную суку. Женился на ней. Мы сходили с ума друг по другу круглыми сутками — или мне так каза-

лось.

А потом она начала пускать слюни по моему брату. Чуть позже переключилась на телохранителя.

Пусть все они горят в аду!

Ядовитая смесь чувств разлилась по венам, словно вскрой их — и брызнет зелёная кровь.

Я допил бутылку до дна и швырнул её с балкона. Внизу послышался пронзительный звон — стекло разлетелось о асфальт.

Телохранитель отскочил в сторону у входа, потом поднял голову и обеспокоенно крикнул:

— У вас всё в порядке?

— Да, — махнул я с улыбкой.

В комнате стало подозрительно тихо. На пороге появился парень.

— Закончил, — процедил он.

— Отлично. Надеюсь, она жива.

— В отключке.

— Убирайся.

Войдя в комнату, я обошел кровать, включил ночник и осмотрел ее. Припухшие губы с запекшейся кровью. Синеватые пятна по всему телу. Засохшая сперма на губах, на груди и между ног.

Я достал флакон с едко пахнущими каплями, намочил ими ватный тампон и провёл у неё перед носом.

Веки дрогнули, глаза приоткрылись. Она медленно замор-

гала. Облизнула пересохшие губы и уставилась на меня так, будто перед ней был не привлекательный мужчина, а чудовище.

Так и есть.

И мне это нравится.

— Игра окончена, — я навис над ней, склоняясь к самому уху. — Поздравляю! Скорее всего, это был наш последний раз. Скоро у меня будет жена.

Я задержался у её шеи, втянул запах её кожи, смешанной с сладким парфюмом, потом и кошмаром.

Опустился, зубами потянул за сосок, пока не сорвался ее последний сломанный стон.

Я развязал покрасневшие запястья.

— Иди и выключи за с собой свет, — небрежно бросил я.

Вся в слезах и слюнях, она попыталась подняться. Тело её не слушалось. Ноги похоже свело в судороге. Голова упала на подушку.

Я лёг рядом, оперевшись на ладонь, и наблюдал за этим увлекательным зрелищем. Она снова постаралась встать. Это напоминало побитого жука, которого не раздавили до конца. Он такой жалкий и слабый, еле ползёт, шаркая лапками, пытаясь забиться в любую щель, лишь бы больше не чувствовать на себе тяжесть чужой подошвы.

Мэри тяжело задышала и сделала ещё одну попытку подняться. Опустила ноги с кровати, наклонилась, стянула с кресла махровый белый халат, натянула его на себя и, ед-

ва держась на ногах, выполнила мою просьбу — выключила свет ночника и побрела к выходу.

Откинулся на спину, заложил руки за голову, и устался в потолок, который подсвечивали уличные фонари, смешиваясь со светом лунной дорожки. На нём растянутые тени от мебели переплетались в зловещие узоры.

Дверь с хлопком закрылась. Я представил, как буду развлекаться со своей будущей женой.

Сначала нежно.

Ласково.

Но с каждым разом впивая зубы в ее грациозную шею по-сильнее.

А Алекс будет смотреть на это из ада и гореть ещё сильнее — не только в языках пламени, но и от злости.

Внезапный приступ моего демонического смеха оглушительно заполнил комнату.

Как же я был счастлив!

Следующим днем я играл роль убитого горем брата. В черных плотных солнцезащитных очках и темной одежде стоял на «роскошной» могиле.

Какое же неземное удовольствие я испытывал, когда черный гроб опустили в яму и засыпали. Не слезинки.

Скажи спасибо, что так быстро сдох.

На похороны мало кто пришел отдать дань уважения. Из коллег приехал только Андреас, а из партнеров кажется никто. Никто? И только потому, что я так попросил.

Мне не нужна паника.

Она лишняя.

Дядя отдалялся с последней группой мужчин, оставив меня одного в тени деревьев.

Но самое главное, я не увидел среди пришедших *ее*. Ту, которую он оберегал как свой бриллиант.

После правды любовь развеялась в один миг?

Как я и предполагал.

Аня никогда не простит того, что совершил он. Никогда.

Но не переживай, *я позабочусь о твоей кошечке*. С лёгкостью смогу приручить ее. Не расстраивайся, я проявлю снисхождение к твоему ребенку. Представляешь, он будет называть меня *папой*, — высокомерно усмехнулся я и звонко рассмеялся.

Пока, братец! Вряд ли я еще приду сюда. Вряд ли к тебе еще кто-то придет!

Скоро твоя могила зарастет сорняком, и никто не вспомнит о тебе.

Никто.

Никогда.

А теперь мне пора решать другие дела. Я вытащил телефон и отправил сообщение своим головорезам:

«Похищайте Артура Аверина».

С широкой белоснежной улыбкой я вышел из этого угрюмого места, прыгнул за руль чёрного кабриолета «Мустанг» и включил на всю мощность «Dying to Love» от Bad Omens.

Еще один великолепный день!

Как и впереди меня ждет насыщенная счастливая жизнь.

ГЛАВА 3

АНЯ

Утром пришел отец.

— Собирайся в больницу, — властным тоном произнес он.

— И тебе доброе утро, папочка, — ехидно сказала я и резко поднялась с подушки, крепко прижимая к себе одеяло.

— Ты не отнимешь у меня ребенка.

— Тебе придется отказаться от него.

— Нет, пожалуйста. Не заставляй меня это делать, — умоляла я.

— Давай без скандалов. Так для всех лучше. Сделаем вид,

что ты отлично повеселилась, а сейчас просто нужно избавиться от последствий.

— Повеселилась? — недовольно приподняла брови я.

— Не заставляй меня применять силу и звать охрану.

Он оставался непреклонным и строгим.

— Папа... Ты же мой папа... — с мольбой в голосе я встала с кровати и приближалась к нему. — Папа... когда ты стал таким жестоким? Вспомни, ты же всегда слышал мои желания. Вспомни, как ты привел меня заниматься спортивной гимнастикой или как мы смотрели диафильмы на потолке. Папа...

— Времена изменились, а вместе с ними поменялись и мы, — стальным голосом ответил он, опираясь на трость с устрашающей мордой волка, похожего сейчас на него самого.

— Папа... ты же всегда говорил, что я сильная и я справлюсь со всем.

— Да. И с этим ты тоже справишься.

— Ты думаешь, моя сила безгранична?

— Ты послушная умная девочка. Или я ошибаюсь?

— Да, ты сильно заблуждаешься, — увереннее ответила я, а затем снова попыталась растрогать его и умоляющим голосом продолжила: — Это же твой внук или внучка... Зачем?

— Затем, что, если он родится, война не завершится.

Господин Аверин с безжалостным выражением лица стоял передо мной. Даже если бы я упала перед ним на колени, он не изменил бы своего решения. Внутри поднимался ту-

ман гнева, отвращения и разочарования.

— ...Или может потому, что ты меня снова кому-то пообещал, продал как овцу на рынке, чтобы укрепить деловые связи? — фыркнула я.

— Мне жаль, девочка моя, — грустно произнес он, но его в голосе звучало больше лицемерия, чем сожаления.

Вдруг у отца зазвонил телефон.

— Что он сделал?! — взорвался отец на всю спальню. — Куда вы все смотрите...

Он орал в трубку, захлебываясь собственными слюнями. Потом задержал ладонь на сердце, теребя ткань рубашки.

Не успел он отключиться, как сжал телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев. Он присел в кресло. Закрыв глаза и попытался не терять самообладания. Громко вздохнул. Нерв около его носа задергался.

— Что случилось? — прищурилась я.

— Что я и говорил... Война продолжается... Данил украл Артура. Сейчас он просит встретиться с ним.

— Зачем он украл моего брата? — с дрожью в голосе спросила я.

— Может, продолжает мстить Алекса... Посмотрим, чего он хочет. А ты езжай и устраняй последствия, — процедил он. — Машина ждет внизу.

— Хорошо. Дай мне полчаса, и мы поедem. Могу я заехать на кладбище и в дом Алекса? Мне нужно забрать вещи и документы.

— Заедь. Но к ужину ты должна быть дома. Телохрани-
тели будут с тобой.

Он перевел дыхание и наконец-то вышел.

Я переживала за брата и позвонила Данилу. Он ответил сразу после первого гудка, словно знал, что я позвоню.

— Да, кошечка, — милым голосом протянул он.

— Не называй меня так, — с раздражением возразила я.

— А как ты хочешь?

— Никак. Что ты задумал? Зачем тебе мой брат? — с жел-
чью выплеснула я.

— Успокойся, тебе же нельзя переживать в твоём поло-
жении, — он говорил надменно и сладко, наслаждаясь моей
злостью.

— Говори, сволочь!

— И прошу без оскорблений. К будущему мужу надо от-
носиться с достоинством и уважением.

— Что ты несешь? Какому мужу?

— Твоя свадьба пройдет по плану, только жених поменял-
ся.

— Ты что-то принял? Или у вас утечка газа? — сарка-
стично спросила я.

— Обожаю твои шутки. Ты больше подходила мне, чем
моему угрюмому братцу.

— Не могу сказать того же о тебе.

— Я жду тебя. Приезжай, или твой брат потихоньку нач-
нет впадать обратно в кому.

— Где мы увидимся? — уступила я.

— В моем кабинете.

— Удивлена, что не в спальне, — колко бросила я.

— Я покажу тебе ее в брачную ночь! — воскликнул он.

— Ты ее определенно запомнишь, ублюдок.

— Как и ты, дорогая моя. Жду тебя без твоего любимого папочки!

— Он убьет тебя, — я отключилась, но успела услышать злобный смех.

Что выбрать, остаться с отцом-тираном и лишиться ребёнка или выйти замуж за психопата, чтобы попытаться его спасти?

Жёсткость отца мне не проломить. Данил, возможно, полегче. Но неизвестно, чего ждать от него. И ещё — надо спасти брата.

Я надела уютный чёрный хлопковый костюм, кепку, солнцезащитные очки. Не успела спуститься в холл на первый этаж, как меня уже сопровождали к машине двое громил в деловых костюмах.

Один из них распахнул дверцу премиального внедорожника, начищенного до блеска.

Я оглянулась назад.

У отца был небольшой двухэтажный красный особняк в стиле рококо: белые колонны, светлая штукатурка, арочные окна. Перед домом — сад с живыми изгородями и лестница, спускающаяся к морю.

Я села в автомобиль. Обняв себя, прижалась виском к холодному матовому стеклу. Мне было неинтересно, что за окном. Я снова провалилась в собственные переживания.

Думала, что обрела отца. Думала, он защитит меня.

Поддержит.

Укроет от всех ветров.

Но за пятнадцать лет он тоже превратился в чудовище. Власть, деньги, жизнь в роскоши оказались для него важнее меня.

Ему не важны мои чувства. Ему не интересно, что будет со мной. И я уверена, что я снова всего лишь марионетка.

Сейчас он силой засунул в меня эти таблетки. Но мне нужно побороть систему. Мне нужно сохранить моего ребёнка.

А если у них получится?

Нет. Я так просто не дамся. Я отлично справилась с ролью послушной девочки. Просто у меня уже не было физических сил поднимать ещё большую панику и упираться, идти против его решения, против его воли. Но внутри я уже восстала.

Меня обдал душный воздух, когда дверь машины приоткрылась.

— Пожалуйста, — с излишней любезностью произнёс один из верных громил отца.

Я взяла рюкзак и выбралась наружу. Он пошёл следом, держась на расстоянии, но не выпуская меня из поля зрения.

— Вам в другую сторону, — вежливо напомнил мой «хвост».

— Я знаю, — прошипела я. — Мне надо зайти, показать рану. Очень болит.

Он покорно кивнул и последовал за мной.

К счастью, у кабинета никого не было. Я постучалась и зашла.

— Здравствуйте.

— Добрый день. Анечка, как вы? Мне очень жаль, что так сложилось. Не смог вчера выразить вам соболезнования на похоронах, видимо, не заметил вас. Как рана?

На слове «*похороны*» я вздрогнула. Будто по позвоночному столбу провели цепкие ледяные пальцы озноба.

— Болит, — выдавила я.

Но не так, как поет сутками моя душа.

— Присаживайся на кушетку.

Я села на край, расстегнула кофту и приподняла футболку. Он аккуратно сорвал марлевую повязку.

— В целом заживление идёт неплохо. Но обязательно обрабатывайте рану, — с заботой сказал он.

— Хорошо.

— Ложитесь.

Я легла на спину на кушетку, он наклонился над раной и начал обрабатывать её раствором. Холод жёг кожу.

— Надеюсь, это ваша первая и последняя пуля, — тихо пробормотал он. — Жаль, что Алексу не повезло в этот раз. Я ведь его два раза вытаскивал...

— Пожалуйста, — умоляюще перебила я.

— Простите... — он сразу замолк, прикладывая новую повязку.

Третьего не дано.

Видимо, он исчерпал все попытки возвращаться обратно. Но мне ведь должно быть все равно. Если бы ему даже удалось выжить, мы бы всё равно не были вместе.

Так какая разница теперь?

Какая?

И о ребёнке он бы тоже не узнал. В тот день всё закончилось. Завершилось. Разбилось.

Навсегда.

Так какая разница — жив он или мёртв?

Внутри всё кричало и рвалось на части. От этих мыслей становилось только холоднее. Лёд пробирался всё глубже.

Наверное, потому, что я чувствовала, что я кому-то нужна, у меня есть защита. Честно, я была рада увидеть и отца. Но никак не ожидала, что и в нём затаился монстр.

Сейчас я ощущала себя совершенно одной среди гиен. Той самой косулей, которую окружили дикие звери.

А у косули могут в один миг вырасти клыки?

Нет.

Тогда остаётся только переиграть их.

Действовать хитрее.

Изошрённое.

— Готово. Берегите себя и ребенка, — вывел меня из раздумий мужской голос.

Я кивнула, забрала вещи и поднялась к гинекологу.

— Я знаю пожелания вашего отца, — без лишних приветствий и разговоров начал он.

— Я тоже.

— Вы согласны с ним?

— Нет. Но вы же всё равно не дадите мне выбора, — язвительно ответила я.

— Да. Он приказал мне дать лекарство и проверить ваш рот, — врач понизил голос. — Не переживайте, Аня, это будет быстро и не так страшно. Может быть небольшая боль внизу живота, выделения, тошнота. В целом это нормально.

Нормально?

Он поднялся, сходил в смежную комнату, вернулся, поставил передо мной стакан воды и положил крупную таблетку в блистере.

Я неуверенно начала вскрывать упаковку. Он откинулся в кресле, скрестив руки на груди, и молча наблюдал, выжидая.

Я выдавила таблетку, проглотила.

— Готово, — сказала и открыла рот. Он посветил фонариком, проверяя.

— Тогда свободны, — сухо бросил он.

Едва я вышла из кабинета, быстрым шагом, обгоняя громилу, направилась в туалет. Два пальца в рот.

Готово.

Меня вывернуло, я сполоснула рот, вытерла губы бумажной салфеткой. Не знаю, успела ли таблетка раствориться.

Помогло ли это. Но по-другому я не могла.

Умылась холодной водой.

«Ты сильная, крошка», — мысленно обратилась я к своей горошинке. — «Мы сможем. Мы справимся».

Я соглашусь на свадьбу с Данилом. Заберу брата — и мы сбежим. Куда угодно. Только подальше от этого сатанинского места, где даже мой отец пропитан его темнотой.

Я крепко прижала ладони к животу, как ни в чём не бывало вышла из туалета и на ходу приказала, чтобы меня отвезли на кладбище.

Чем ближе мы подъезжали к этому месту, тем сильнее меня морозило. Бросало в леденящий озноб, словно я тонула в проруби где-то в Северном океане. Погружалась ко дну, внутри меня всё мертвело.

Это — самый сложный момент в моей жизни.

И вот я стояла перед самым жутким местом в своей жизни.

Стук гвоздей резал слух.

Снова.

Звучал как мантра.

По кругу.

Я не могу пошевелиться, сделать первый шаг, войти туда. Потому что до сих пор не верю, что его нет.

До сих пор в голове кипели мои последние слова:

«Я ненавижу тебя».

И так же сильно — люблю.

«У нас нет больше будущего».

Теперь его действительно нет.

«Всё оказалось иллюзией».

Сейчас кажется, что да. Я проснулась.

«Нас больше нет».

...И никогда не будет.

«Твой отец не вернёт мне семью».

Так же, как и ты — моих маму и сына.

Я глубоко вдохнула тяжелый воздух, пропитанный скорбью, перекрестилась и прошла через кованую арку кладбища, оглядываясь по сторонам. Я не знала, где его могила, и подошла к небольшому домику охранника. Возле него, на деревянной скамейке, сидел седой мужчина и курил. Ему не хватало только чёрной мантии с капюшоном и острой косы в руке вместо сигареты.

Я попросила его помочь найти свежую могилу, которой всего три дня. Он, стряхивая пепел, буркнул, что мне нужно пройти в левый край кладбища.

Я медленно шла мимо крестов и памятников. Сгусток мурашек катился по коже, поднимая волоски. С каждым шагом внутри всё превращалось в северный полюс с колючими вет-

рами. Будто изнутри резко проросли ледяные сталактиты. Кровь в венах густела и превращалась в лёд, под рёбрами зияла непроглядная бездна.

Бездна скорби и отчаяния.

Вдали, под деревьями, чьи кроны бросали густую тень, я увидела могилу. Худшую могилу среди всех остальных — даже старые, двухсотлетние, выглядели ухоженнее, чем эта.

Покосившийся крест из неотёсанного дерева, с коряво выжженными буквами его имени и фамилии, неровными датами рождения и смерти. Пара венков и две завядшие астры.

Данил и Глеб постарались «достойно». Они правда настолько ненавидели его?

Кто решил взорвать его машину? Неужели Данил? Дядя? Не удивлюсь, если даже мой отец. Или кто-то из его врагов?

Я застыла, будто роза, приросшая к земле, пускала корни всё глубже. И, наверное, если бы я была цветком, это было бы единственное место, где я могла бы расти — с чёрными бутонами и тёмными кристальными лепестками, которые осыпались бы вместо слёз.

Я не могла открыть рот. Не могла... Только водопад слёз обрушился на меня, застывая глаза.

Я вытерла подбородок тыльной стороной ладони, пытаюсь сдержать рыдания. Безуспешно. Они рвались из груди, их невозможно было задавить.

В какой-то момент я рухнула на колени перед его могилой и разрыдалась.

До всхлипов.

До боли в горле.

До полного бессилия.

Между рыданиями я истерично кричала. Как ненормальная. Как сумасшедшая. Так, что вороны с веток разлетелись, перестав наблюдать за мной.

Я должна ненавидеть его. Но почему-то чувствовала противоположное.

Почему?

Сколько я здесь пробыла?.. Казалось, уже вечерело.

Я ощущала, как распухло лицо, как болят глаза и режет горло. И когда до конца осознала, что его действительно нет, в той душевной бездне начали шевелиться кровожадные удильщики.

Они вгрызались в плоть.

Отравляли кровь депрессией. Муками.

Выедали жизнь изнутри, безжалостно лакомясь моей горечью, разочарованием, скорбью и трауром.

Моя душа превратилась в тонкую, измусоленную тряпку, развевающуюся на ветру.

Вдох — выдох.

Вдох — выдох.

Я поднялась. Единственное, что смогла прошептать:

— У нас будет ребёнок. Всё, что связано с тобой, никогда не сотрётся из памяти.

Больше я не приду сюда. В ближайший год — точно.

Больше я не сяду за стол с дьяволом. Не опущусь на колени. И не позволю ему высасывать из меня последние капли жизни.

Это невыносимо тяжело.

Мне нужно себя беречь.

И если у тебя был коварный план — быстро жениться на мне и превратить мою жизнь в ад...

Можешь улыбнуться.

У тебя получилось!

Быстрыми шагами я удалялась от его нового «дома». Уходила вместе с новым приступом подступающих рыданий. Трясущихся поджилок под кожей. Удушья. Головокружения.

Пока мы добирались к Нагорным, я снова и снова тихо вытирала жгучие слёзы. Черные кованые ворота с вензелем «SG» раскрылись, и машина въехала в благоухающий сад.

Сад с фантомами воспоминаний.

Горничная открыла дверь, и я прошла в спальню. Ещё пять дней назад это было самым счастливым местом. Нашим маленьким раем.

Я мысленно настраивала себя: быстро забрать документы. Игнорировать память. Блокировать. Удалять. Искоренять.

Осторожно приоткрыла дверь спальни и резко застыла на пороге, сжав крепче ручку.

Комната была заставлена красными розами. Завядшими. На последнем издыхании. Они опустили потемневшие бутоны, лепестки осыпались на пол.

— Я не обещаю тебе долго и счастливо как в сказке, но обещаю, что буду любить и беречь тебя до последнего вздоха...

Острый нож воспоминаний срезал тонкими слоями мою и так слабую защиту.

Мы целуемся. Смеёмся. Ужинаем. Занимаемся любовью. Снова целуемся.

Я сделала шаг и повернула голову. В зеркале у стены отражалась я, счастливая. А сейчас — прозрачная тень.

Привидение.

Слёзы бурно хлынули по щекам, будто взорвалась плоть на с токсичными отходами.

Внутри всё жгло.

Невероятно.

Сильно.

Мощно.

Шею словно обвили проволокой с шипами. Я прижала руки к груди.

Паническая атака?

Я стала часто дышать, жадно глотать воздух, опускаясь на пол.

— Дыши, — услышала спокойный мужской голос.

Он приподнял и развернул меня к себе, держа за плечи.

Данил.

Мы смотрели друг другу в глаза.

— Дыши, — с лёгкой улыбкой повторил он.

Вдох — выдох.

Вдох — выдох.

Я всматривалась в него в приглушённом свете комнаты. Солнце бросало на моё лицо последние тусклые лучи, а его оставляло в тени.

Хоть он и был похож на Алекса, я никогда не видела в нём его. Даже близко.

Другая энергетика.

Другие эмоции.

Другие чувства.

Он хотел прижать меня к себе, но я выставила ладонь вперёд. Сделала шаг назад, приступ паники стихал, и я медленно опустилась в кресло.

— Вот и закончилась ваша история. Как печально... — непринуждённо, но с нескрываемым удовольствием произнёс он, опускаясь на край кровати напротив меня.

— Иди на хрен. Вижу, ты не особо расстроен, — прошипела я, вытирая остатки слёз. Сглотнула и всхлипнула.

— Да, жаль его. Но у тебя есть я, — на последней фразе взбодрился он.

— Ты? Что ты несёшь? — нахмурилась я.

— Я похож на него.

— И что? Ты похож внешне, но это не делает тебя им. В тебе не хватает самого главного.

— И чего именно? — он приподнял бровь.

— Любви, — я сделала паузу. — Притяжения, — на се-

кунду замолчала и добавила: — Магнетизма,

— Появится, — высокомерно ухмыльнулся он.

— Никогда.

— Я час назад поговорил с твоим отцом, — открыто заявил он.

— Удивлена, что ты не мёртв, — хрипло усмехнулась я.

— Это никому не выгодно, — он закинул ногу на ногу, — твой папочка не первый день в этом мире. Он сразу всё понял.

— И что вы решили? — настороженно спросила я.

— Свадьба в конце августа! — торжественно воскликнул он. — Пора начинать готовиться. После торжества я отпущу Артура. И то, *какая* буду заботиться о твоём брате, напрямую зависит от твоего поведения.

— Сволочь... — тихо процедила я.

— Полегче, — скривил он губы. — Твой отец заикнулся... Ты сделала аборт? — бросил презрительный взгляд.

Я закусила внутреннюю сторону губы. Металась — признаться или соврать.

— Это не твоё дело.

— Сделала? — настойчиво повторил он.

— Да, я выпила эту таблетку.

— Надеюсь, ты додумалась спровоцировать рвоту...

Я молчала, обдумывая его слова. Чувствовала себя словно на минном поле. Не понимала, что он задумал, и любой мой ответ мог стать тем самым взорвавшимся снарядом.

Его взгляд пристально въедался в мое лицо, выжидая ответ.

— Додумалась! — ответил он за меня и победно приподнял уголок рта.

— Да! — растерянно призналась я. — Меня стошнило.

— Надеюсь, с ребёнком всё хорошо, — заботливо произнес он.

— Ты не против? — изумлённо спросила я.

— Нет. С чего я должен быть против? Это же мой племянник, — сказал он с хитрой усмешкой.

Интуиция подсказывала, что у него есть какой-то план. Без Алекса у него развязаны руки. Вся власть теперь принадлежит ему.

— Только не говори отцу, — замаялась я.

— Договорились, — довольно кивнул он. — Надеюсь, что ты понимаешь: чтобы я сохранил нашу тайну ты должна быть послушной кошечкой.

— Понимаю, — солгала я.

Он расплылся в широкой белоснежной улыбке и собирался подняться.

— Это ведь ты убил Алекса? — прямо, без колебаний выпалила я.

— Да, — даже не моргнув, ответил он.

— Зачем?

— Мне понравилось его кожаное кресло и кошечка, — с откровенным наслаждением протянул он, ехидно ухмыля-

ясь. — Он бы так просто их не отдал. Не поделился.

— Только кошечке ты не нравишься, — холодно бросила я.

— Она привыкнет, — он наклонился вперед и произнес тихим зловещим голосом: — Считай, что я отомстил и за то, что он сломал твою прежнюю жизнь. Пусть это будет подарком на день рождения.

— Ты не знаешь, какие подарки я бы оценила.

— Думаешь, за то короткое время, что вы были вместе, Алекс успел разобраться, что тебе дарить?

Данил сжал подлокотники по обе стороны и посмотрел на меня сверху вниз. Я вжалась в спинку кресла.

— Ты не позволил мне это узнать, — нервно ответила я.

— Могу подсказать, — прищурился он, наклонился к самому уху и самодовольно прошептал: — Гроб с твоим отцом, перевязанный большим красным бантом. А рядом — брат. Он давно видел три ваших могилы.

По внутренностям пробежал мерзкий холод, словно внутри расплзался комок скользких змей.

Противный кончик его языка скользнул по ушной раковине, и я резко отдернула голову в сторону.

Данил двумя пальцами властно обхватил мой подбородок и заставил посмотреть ему в лицо, наклоняясь еще ближе. Его губы едва задевали мои. Я нервно сглотнула. Его прикосновения оставляли совсем не те приятные ожоги, что касания Алекса. Я обхватила его за запястье. Он ослабил хват-

ку, и я скинула его руку.

— Но ты же лучше Алекса... Ты же можешь преподнести лучший подарок, — я смягчила голос, решив подольститься к эгоистичному мерзавцу. — Давай наши семьи тихо и мирно разойдутся.

— Разойдутся? — разразился он истеричным смехом и резко заткнулся. — Всё, что я хотел, я получу. Бизнес. И тебя.

— Или ты тоже хочешь отомстить за свою семью?

— О не-е-т, — протянул он, качнув головой. — Это не моя история. Я не был близок ни с кем из них. Я сам по себе. И мои желания для меня — закон.

Самовлюбленный ублюдок!

Вдруг у него зазвонил телефон. Данил вытащил его из пиджака и взглянул на экран, приглушенный свет лег на его лицо, но он не ответил.

— Даже если эта таблетка вдруг подействовала, не переживай, у нас ещё будет много-много детишек, — мрачно прошептал он у моей щеки. — Мы станем большой дружной семьёй.

Он хищно оскалился, сверкнув акульей улыбкой, выпрямился, подмигнул и вышел.

Сволочь!

Я выдохнула и заметила, что рядом с коробкой увядших роз в углу стояла целая пирамида подарков. *Подарков?* Что же ты приготовил для меня, Алекс Солцберг? Что же ты при-

готовил на мое день рождения, кроме лжи?

Глядя на эти коробки, я тепло улыбнулась.

Я включила светильник на прикроватной тумбе, подошла к ним и опустилась на колени. Потянула за атласную ленту на первой коробке, сняла крышку. В белом шёлке лежал серебристый пистолет «Beretta» с выгравированным моим именем. Сверху записка: «*Ты выстрелила патроном любви в моё сердце*».

Я поднесла её к губам.

Зачем? Чтобы почувствовать тлеющие искры любви? Ещё раз ощутить то, что теперь витает теплом в дырах души, сквозящих от холодных ветров?

Я аккуратно отложила её.

Следующий подарок я узнала сразу. Книга с нашего свидания. Тогда я не знала, какая именно — мы договорились, что я распакую её, когда мне будет грустно. Момент настал. Не думала, что так быстро!

Я быстро стащила подарочную плёнку.

«Маленький принц». Раннее издание.»

Боже! Оно чудесно. Я вспомнила, как цитировала его.

Я открыла еще одну записку с цитатой:

«Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

Глава 21.

Каждый подарок трогал мою душу. По щекам снова потекли жгучие слёзы. Только сердце и знает, как любовь за-

хлёстывает меня, будто она больше, сильнее, чем ненависть к тому, как ты со мной поступил. Но я хочу убить и закрыть это чёртовое чувство к тебе. Навсегда.

Запаять.

Запереть.

Размолоть.

Я продолжила вскрывать подарки. В одном оказалось красивое красное бельё.

«Хочу видеть, как ты бесконечно цветёшь».

В другом — золотой браслет с бриллиантами в стиле Cartier, с гравировкой внутри:

«Моей кошечке. Ты всегда будешь царапать моё сердце».

Ещё в одной коробке — соблазнительный костюм для танцев.

«Готов до конца жизни наслаждаться твоими изгибами».

В следующей — набор красивых резинок для волос.

«Знаю, что среди всех это будет самым лучшим подарком».

Да, Алекс, ты прав.

Это лучший подарок!

Я вспомнила, как постоянно теряла их, когда он распускал мои волосы по плечам.

Дальше — мой любимый аромат и флакон парфюма, который, казалось, сделали для меня на заказ.

«Ты пропиталась в каждую молекулу моей души».

И в последней коробке — новый телефон.

«Я всегда хочу знать, где ты находишься, кошечка. Но лучшие — в спальне».

Каждый его подарок с запиской оставлял новую рану на душе. Он старался. Даже сейчас я чувствовала его любовь и не могла до конца поверить в то, что полчаса назад сказал Данил про гробы и могилы.

Он правда мог влюбиться? Влюбился же?.. Или я дура, которая цепляется за то, чего уже нет? ...Или это всего лишь красивые фальшивые слова?

Я сложила все подарки в одну большую коробку, взяла её и поднялась. Неуверенно сделала несколько шагов к двери гардероба и решительно вошла. Коробку поставила в шкаф.

Я не заберу ни одного подарка. Они будут еще больше напоминать о нем. Мне пора забывать его. Нужно представить, что я сладко спала. Алекс оказался приятной фантазией.

Иллюзией.

Вымыслом.

Но сердце нельзя было обмануть или подкупить. Оно предательски напоминало о чувствах к нему. Каждый час. Каждый день. Вечность?

В помещении мне стало душно. Душно от кадров, прорезающих мою память. По одной стене тянулся ряд его чёрных вещей. Сколько у него было чёрных футболок и рубашек? Кругом — только они. Пропитанные его ароматом. Запахом, который снова воскрешал воспоминания из недр моей обу-

ленной души.

Я старалась не обращать внимание, сняла с вешалки пару своих костюмов, торопливо вытащила документы из шкафа и небольшую сумку.

Одна моя часть хотела поскорее убраться отсюда, а вторая — лечь в постель, которая когда-то была теплой, и уснуть, продолжая в сновидениях жить с ним.

Пока я судорожно складывала вещи в сумку, поняла одно: теперь я не знаю, где мой дом. Мои вещи разъехались по разным местам за последние полгода. И стоило мне только почувствовать, что я, кажется, нашла свое место — как всё рухнуло. Разрушилось. Разлетелось.

Я не хочу жить ни с отцом, ни с Данилом.

Сбежать?

Пока не получится. И, наверное, меня найдут.

Быстро.

Они это делают быстро.

Только если я не всажу пулю в лоб моему будущему муженьку.

Постучали в дверь, я вздрогнула. Вошёл телохранитель и сообщил:

— Ваш отец звонил, напомнил, что скоро ужин. Нужно сейчас выезжать сейчас, чтобы успеть.

Я кивнула. Охранник забрал сумку и я молча побрела за ним. Мы поехали к моему «замечательному» папочке. Тому самому, о котором я когда-то мечтала. Он будет рад. В этот

раз точно будет рад: я ведь поступила так, как он хотел, — ребёнка не будет.

Меня вежливо провели в гостиную. Гнетущая атмосфера пропитала этот дом. Интерьер выглядел убогим и обшарпанным. Даже в серпентарии было бы поуютнее. Похоже, мне пора привыкать к таким местам. Наверное, чтобы выжить среди них хотя бы ненадолго, надо стать такой же как они.

Мрачной.

Бездушной.

Каменной.

Одну створку дверей распахнули, и я вошла в просторную гостиную. Она выглядела как музей. Бордовые обои, картины прошлого века в позолоченных рамах. Отовсюду веяло старостью. Посреди комнаты тянулся длинный стол из красного дерева, вокруг — стулья с бежевой обивкой и тем же цветом деревянного каркаса.

— Добрый вечер, дочка, — вежливо произнёс отец, сидя во главе длинного стола.

— Да, папа, — я подхватила его интонацию.

Пора начинать играть в их грязные игры. Фальшивая любовь, мнимое доверие и нож за спиной.

— Ты умничка. Всё сделала правильно. И, думаю, сейчас ты поступишь так же верно?

— Выйти замуж за Данила? — догадываясь, уточнила я.

— Да. Мои люди уже ищут Артура. Надеюсь, нам удастся вернуть его до твоего бракосочетания, — он сделал глоток

густого красного напитка из резного хрустального бокала.

— Как скажешь, папа, — послушно ответила я, притворяясь, что согласна.

— Бери приборы и накладывай, что хочешь, — он взмахнул рукой над столом.

Половина стола ломилась от еды. Я положила себе немного овощей и кусок мяса.

— Ты не против, если нам включат классическую музыку?
— ласково спросил он, отрезая ровный кусок от стейка.

— Нет, папа.

— Пожалуйста, — сказал он и щёлкнул пальцами, приподняв руку.

Мужчина в дверях заметно оживился словно Щелкунчик, подошёл к узкому столику с патефоном, аккуратно достал из конверта старую пластинку и опустил её на диск. Игла с лёгким шорохом легла на дорожку, и зал постепенно наполнила тягучая, печальная мелодия.

За таким ужином уснуть можно было с едой во рту или лицом в тарелке.

— Это Шестая симфония Чайковского, «Патетическая». Тебе нравится?

— Да, папочка. Но ты же знаешь, что я сегодня пережила стресс, — я наигранно устало выдохнула. — Я так вымоталась, что валюсь с ног.

Я поднялась, кинула в рот половинку помидора черри и запила её апельсиновым соком, уже мысленно стоя на выхо-

де.

Он стукнул ладонью по столу, я вздрогнула и села обратно.

— Во-первых, хватит паясничать, — резким, твёрдым голосом сказал он. — Во-вторых, соблюдай, пожалуйста, правила этого дома. Мы поужинаем и *вместеразойдёмся* по спальням. В-третьих, я вижу, как ты недовольна моим приказом. Но это ради тебя. Твоего будущего.

После его слов я пожалела, что не прихватила из подарков пистолет и не всадила ему пулю в лоб.

— Хорошо, па... — я вовремя замолчала, уловив, как его взгляд просто стирает меня с лица земли.

— Спасибо за понимание, милая, — он натянул ласковую улыбку. — Кажется, я наелся.

— Я тоже... — хотелось добавить *«твоих дерьмовых правил»*, но вместо этого я растянулась в притворной улыбке. — Я могу идти?

— Да. Завтрак будет в десять.

— Надеюсь, я не просплю, — ехидно бросила я напоследок, поднялась из-за стола, иронично покружилась под меланхоличную музыку до дверей и поднялась к себе в комнату.

Может, у моего отца начался старческий маразм?

Я скинула рюкзак, рухнула на кровать в тёмной комнате и положила руки на живот. Стоило закрыть глаза, как я сразу провалилась в сон. Приятный. Счастливый. Сладкий.

Только там я могла быть с ним.

Только там.

Я ненавидела и любила Алекса одновременно. Ненавидела за то, что он совершил, за то, что нагло всё скрыл и оставил меня во тьме. Любила... просто за те ощущения и чувства, которые он дарил.

За то, что принимал мою естественность. За то, что ценил мои желания. За то, что поддерживал меня. Заботился. Оберегал. Любил.

Любил?

Сколько бы я ни повторяла последнюю неделю, что мне нужно остыть и забыть его, — это невозможно. Это утопия. Наш ребёнок будет напоминать мне о нём.

Всегда.

Всю жизнь.

Целую неделю я послушно соблюдала правила этого дома. Мы виделись с отцом за завтраком и ужином. Они проходили чаще всего в молчании, под унылые классические мелодии русских композиторов.

Господин Аверин был вечно задумчив и всё чаще работал из дома. Какое счастье, что нас хотя бы не заставляли встречаться ещё и за обедом.

Я ужасно скучала по брату и надеялась, что у него всё хорошо.

Данил уехал в командировку с дядей. Видимо, Глеб показывал ему свои владения и знакомил с людьми. Этот приду-

рок иногда звонил и спрашивал, как у меня дела. Я отвечала сухо. Не хотела ни слышать его, ни видеть. Хоть бы его где-нибудь взорвали так же, как он взорвал Алекса.

В чёрной дыре внутри груди горела вечным огнем маленькая свеча. На его имени она всегда колыхалась и вздрагивала.

Я не могу принять его смерть.

Я не верю.

Интуиция шептала, что он всё ещё дышит. Но разум выливал на меня ведро ледяной воды и заставлял поверить в реальность.

Я пыталась читать книги, но каждая строчка давалась с трудом. Мысли снова и снова возвращались к нему, по миллионному кругу. В итоге я просто захлопывала книгу. На танцы так же не оставалось сил.

Мне нужно проветриться и выйти в сад. В этой комнате уже невыносимо находиться.

Многие представляют, что ад — это пещера, где по стенам стекает бурлящая огненная лава. Для меня ад выглядел как эта приторно-ванильная, чахлая комната. Может, отец специально её мне отдал, чтобы снова проверить мою стойкость и силу?

...Или все же я права, и он действительно стал маразматиком?

Я надела чёрный спортивный костюм, потянулась за мобильным на столе, чтобы бросить его в рюкзак, но на экране

высветился неизвестный номер.

— Да... алло, — неуверенно ответила я.

— Аня, привет. Узнала?

— Владимир Вениаминович? — тише спросила я.

— Да, он самый! — воскликнул он. — Может, приедешь ко мне в мастерскую?

— Зачем?

— Примерим кольцо, которое я создал для тебя.

К горлу подкатил слёзный комок.

— Я... я не могу.

— Пожалуйста. Примеришь и заберёшь кольцо. Оно твоё. Алексей бы очень этого хотел.

— Извините...

Ком разрастался и давил на трахею.

— Пожалуйста, хотя бы просто примерить, — его голос стал почти умоляющим. — Мне кажется, это одна из лучших моих работ.

— Вы же понимаете... я не могу, — еле выдавила я.

— Пожалуйста, — повторил он, уже откровенно умоляя.

— Пожалуйста. Ради уважения ко мне.

— Хорошо, — согласилась я. — Я заеду. Только чтобы примерить. Ради вас.

— Спасибо. Вышлю адрес. Жду.

Разговор оставил меня в растерянных чувствах. Я изо всех сил старалась держаться подальше от всего, что напоминает о нём.

Я прихватила рюкзак и вышла из комнаты. В коридоре сидел телохранитель, он сразу вскочил.

— Куда-то едем?

— Да.

Я разблокировала телефон и продиктовала адрес из сообщения. Он послушно кивнул. Я спустилась вниз по полукруглой скрипучей деревянной лестнице к выходу и села в чёрный «Мерседес».

Сердце нервно стучало. Чем ближе мы подъезжали к мастерской, тем ярче вспыхивал образ Алекса, мгновения нашего свидания и ощущение влюблённости, защищённости и свободы.

Зачем я согласилась?

В середине пути я уже проклинала себя, за то, что не смогла отказать ему.

— Приехали, — донёсся хриплый голос охранника, и передо мной распахнулась дверь.

Я не спеша вышла. Окинула взглядом башенку от входа до высокого балкона под солнечными лучами и зажмурилась. Лёгкое головокружение качнуло меня, но я постаралась не показать этого и уверенно вошла внутрь.

— Вениамин Владимирович, — вкрадчиво позвала я.

Он, как и прежде, сидел за тем же станком, словно прирос к нему навсегда, но мой голос, раскатившийся по залу, будто оживил его — он встрепенулся, поднял голову.

— Проходи, — добродушно сказал он и направился в сто-

рону своего кабинета.

Я шла за ним, не оглядываясь в прошлое. Кольцо и кольцо: померяю — и уйду. На этом всё, настраивала я себя.

Я опустилась на край дивана. Пока он уходил в свою тайную комнату за кольцом, мой взгляд упал на то место где когда-то сидел Алекс и шептал, что скоро я стану Анной Нагорной. Фантомы преследовали меня.

Не оставляли.

Не исчезали.

Я зажмурилась, глубоко вздохнув.

— Аня... Вам плохо? — встревоженный голос Владимира Вениаминовича донесся до меня словно из-под толщи воды.

— Нет... Все хорошо, — я покачала головой, быстро приходя в себя и избавляясь от ощущений прошлого.

Он присел рядом и открыл передо мной черную бархатную коробочку. На белой шёлковой подложке лежало оно. То самое кольцо. Сияющее. Я влюбилась в него с первого взгляда. Как и в темного бога. В того мужчину, что разорвал моё сердце на части. Оставил после себя бездну. Бесконечную пропасть.

— Нравится?

— Очень, — искренне призналась я.

— Примеришь?

— Да, — неохотно согласилась я.

Он улыбнулся.

Я аккуратно вытащила кольцо из коробки и надела на

безымянный палец правой руки. Потрясающая тонкая ювелирная работа. Полупрозрачные рубиновые лепестки розы, двойной ободок из белого золота в россыпи бриллиантов.

Этот шедевр обошелся Алексу в целое состояние.

Я вытянула руку. Кольцо мерцало так сильно, что почти ослепило. Заворожило. Я не могла отвести взгляд, двигая кистью и ловя переливы света.

— Фантастически красиво, — воскликнула я, пребывая под его гипнозом.

Улыбка Владимира Вениаминовича стала шире.

— Я всегда говорил, что создам одно из лучших колец для будущей жены Алексея, — ласково сказал он.

Слово «жены» больно резануло слух. Я тут же пришла в себя и начала стягивать кольцо с пальца.

— Да, вы действительно это сделали. Только, к сожалению...

— К сожалению... — грустно повторил он, поджал губы, дрожащими пальцами поставил украшение в прорезь и захлопнул коробочку. — Я не видел тебя на кладбище в тот день.

— Я была без сознания. В меня выстрелили накануне. Он приоткрыл рот и глаза, но сразу закрыл, сдержав эмоции.

— Как ты сейчас? — спросил он, убирая кольцо.

— Лучше.

— Может все-таки заберёшь его?

— Нет, — отрезала я и потянулась за рюкзаком, крепко сжала ручку.

— Почему?

— Слишком много... воспоминаний.

— Или вы поссорились?

— Нет, — солгала я.

— А ты не знаешь, может, Алекс поссорился с дядей? Или с братом?

— Почему вы так решили?

— Ты ведь видела его могилу, — недовольно усмехнулся он.

— Да, — я сглотнула и сдержалась, чтобы не рассказать о признании Данила. — Я ничего не знаю об их взаимоотношениях.

— Тогда дам тебе совет: держись от них подальше. Особенно от Данила.

— Почему? — с любопытством спросила я и сузила глаза.

— Он делал вещи гораздо хуже Алекса.

— Например?

— Тебе не стоит об этом знать.

— Вынуждена вас расстроить. Я скоро стану его женой и мне хотелось бы узнать, что произошло.

Он осуждающе покачал головой.

— Почему ты согласилась?

Я промолчала и ещё крепче сжала ручку рюкзака.

— Твои глаза рядом с Алексом блестели ярче этого коль-

ца, — он слегка потряс коробочкой.

Я опустила задумчивый взгляд в пол. Растерялась, не зная, что ответить. Не хотела лгать, будто влюбилась в Данила, и не хотела рассказывать, что скрывал Алекс. Я видела по его лицу, что он и сам все понял.

— Тогда посоветую только одно: беги от него. Он ещё тот психопат.

— Алекс тоже, — добавила я.

— Алекс не насиловал женщин, не избивал их и не сжигал в запертом доме, — жёстко сказал он. — Да, он грубый, черствый, жестокий. Но так никогда не поступал. Он разбирался только с мужчинами. Это были разборки по бизнесу.

Я затаилась и дослушала до конца.

— Сжигал в запертом доме?.. — переспросила я, свела брови и почувствовала, как внутри все еще больше заледенело. В горле резко стало сухо.

— Разве Алекс не рассказывал тебе ничего о своём брате?

Я отрицательно мотнула головой.

Он о себе-то мало, что рассказывал.

Владимир Вениаминович продолжил:

— До свадьбы он любил мерзкие игры с девушками. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я кивнула. Он снял очки, жажал переносицу и продолжил:

— Но год назад он влюбился в одну девушку. Я даже удивился, как он изменился. Стал заботливым, обходительным и спокойным. Со временем жена перестала воспринимать его

всерьёз. Не знаю, может, разлюбила. Может что-то произошло. После того, как Данил застрелил ее и любовника, он слетел с катушек и на несколько дней пропал. Пока Алекс разбирался с трупами, он развлекался с другими девушками в борделях. Душил. Убивал. Употреблял ту дрянь, которую они сами и продают. Затем Алекс снова прибирался за ним.

Через неделю Данил снял дом на берегу Балтийского моря, устроил вечеринку, поджог и стоял, смотрел, смеялся. Алекс нашёл его в этот момент, привёл в чувства и пригрозил, что еще одна такая выходка, и он сдаст его в психбольницу. Тогда они сильно поругались. Данил раскаялся, но первое время люди Алекса наблюдали за братом. Со временем вроде все утихло и вошло в обычное русло.

Владимир Вениаминович замолчал.

Видимо этом тихом смирении Данил и вынашивал план, чтобы убрать брата и обрести свою свободу и власть.

Через пару секунд его голос разрушил напряженную тишину:

— Алекс с холодной головой подходил к делам и понимал, куда двигаться. В Даниле кипело слишком много ненависти и безрассудства. Он хотел заставить, чтобы его любили, силой. Но это не оправдывает ни одного его поступка. Будь осторожна. Не буди в нём чудовище.

Он вздохнул и добавил:

— Знаешь, если бы их воспитывал не дядя, Алекс жил бы иначе.

— Он сам выбрал этот путь, — возразила я.

— Он пытался с него уйти. Данил — нет. А Алекс не хотел бросать брата. Он ведь даже закрыл его собой от пули в одной из разборок. Но дядя не дал ему выйти из игры: как только Алекс захотел — тот просто отдал ему свой пост. И он понимал, что если он не примет его, то Данил с радостью сделает это и вернется к прошлым делам. Тьма поглотила их обоих. Поэтому беги, Аня.

— Я не смогу, — прошептала я.

— Тогда готовься к худшему и держи оружие под подушкой, — грустно посоветовал он.

— Спасибо.

— Жаль, что ты не будешь носить это кольцо.

— Можете его кому-нибудь продать, подарить или отдать на благотворительность.

— Нет, — покачал он головой. — Я сохраню его в память о крестном сыне.

— Мне пора, — выдавила я.

Хотелось поскорее сбежать отсюда — слёзы уже готовы были вырваться потоком. Я встала и прошла к выходу, схватилась за ручку.

— Не стесняйся, приходи ко мне в гости, домой. У меня за коттеджем прекрасный сад и очень вкусный чай с шоколадом и марципаном, — мягко сказал он.

— Когда-нибудь... — я слабо улыбнулась и вышла.

Не успела я выбежать на улицу, телохранитель уже открыл

передо мной дверь, и я скрылась в салоне. Приложила ладони к разгоряченному лицу, только успела попросить, чтобы увезли меня на пустынный пляж, и всхлипы снова вырвались наружу.

Я прокручивала в голове слова их крёстного. Я знала, что Данил жёсткий, но не ожидала, что *настолько* конченный: бьёт, насилует, играет людьми, ломает судьбы. И всё это, видимо, ожидает и меня.

Мне нужно научиться стрелять.

Защищаться.

Постоять за себя.

Сохранить ребенка.

Машина остановилась в безлюдном месте. Я вышла и побрела к воде. Дойдя, рухнула на теплый песок и заплакала. Жадно глотала воздух. Качалась, прижимая колени к груди, оббив их руками. Пыталась прогнать все мысли и чувства к нему.

Солнечные лучи прятались за серыми кучевыми облаками. Поднимался ветер, гнал к суше морские гребни и с силой разбивал их о деревянные столбы, вбитые вплотную друг к другу у берега. Над головой гулко кричали чайки, обещая дождь. А мне они напоминали о том дне, когда меня выплюнуло из одной жизни в новое чистилище.

ГЛАВА 4

АНЯ

Прошла неделя.

Тягучая. Грустная. Скорбящая.

Снова.

Я была рада хотя бы тому, что токсикоз оказался лёгким по сравнению с первой беременностью. Чаще всего беспокоили только головокружения. Я решила, что после свадьбы мне нужно будет сходить к гинекологу. Отец больше не сможет контролировать меня. Он не должен ни о чем догадаться.

Я радовалась, что Данил с дядей застряли в Эмиратах. Но ужасно хотелось увидаться с братом. Я пыталась успокоить

себя мыслью, что у отца всё под контролем. Последние три дня я завтракала и ужинала одна — отец тоже куда-то улетел.

Пусть все катятся к чёрту.

Этим вечером я тоже надеялась поужинать в одиночестве. Но стоило мне отодвинуть стул, как двери распахнулись, в зал вошёл отец, опираясь на трость, а за ним — Данил с букетом красных роз. Рядом вальяжно шагал Глеб.

Он издевается?

Зачем? Почему именно эти цветы?

Вместо этого я натянула фальшивую улыбку. Фирменную улыбку в стенах этого дома. Для этих шакалов.

— Дорогая, добрый вечер, — ласково потрепал меня по плечу отец и занял своё место во главе стола. Я опустилась слева от него.

Данил положил букет рядом со мной, наклонился сзади к уху:

— Соскучилась, дорогая? — томно прошептал он.

Потом обошёл стол и сел напротив, рядом с ним разместился Глеб.

Я «отсканировала» их взглядом. Отец привычно скрывал недовольство, натянул маску учтивости.

— Подавайте горячее, — громко распорядился он.

Тут же вошли официанты и начали сервировку. На столе одна за другой появлялись тарелки: мясо-гриль и запеченные овощи.

Неловкое молчание.

Отец стряхнул салфетку и небрежно кинул с приборами.

— Угощайтесь, — любезно предложил, разрезая давящую тишину. Слабая улыбка скользнула по его губам.

— Спасибо, — натянуто сказал Глеб.

— Надеюсь, ты нас не отравишь? — пошутил Данил и рассмеялся.

Я бы с удовольствием подмешала тебе яд.

И не только тебе.

Вам всем.

— Это не мой уровень разборок, — ехидно ответил отец.

— Я бы с удовольствием посмотрел, как ты захлебываешься собственной кровью.

Данил хрипло рассмеялся, словно сидел на стендапе у популярного комика. Судя по его виду, он не воспринимал слова отца всерьёз.

Папа принялся разрезать мясо так, что нож с противным скрипом проходил по дну тарелки. Внутри него явно всё кипело. В этом мы были похожи.

— Надеюсь, нам не придётся столкнуться с *вашим* уровнем, — высокомерно парировал Данил, затем демонстративно вышел из комнаты и вернулся с ноутбуком.

Он поставил его в центр стола, нажал на кнопку — на экране появилось изображение моего брата.

— Думаю, ему стоит присоединиться к нашему ужину, — саркастично произнёс Данил. — Скоро они у нас станут традицией. Мы же будем семьёй.

— Артур, как ты? — с волнением вырвалось у меня.

Брат сидел на фоне белой стены. Он выглядел уставшим. На его лице расползся синяк, а губа была разбита.

— Всё хорошо. Не переживай, — спокойно ответил он и провел ладонью по засаленным волосам.

— Сынок, ты скоро будешь с нами, — уверенно сказал отец.

— Знаю, — сдержанно пробубнил Артур, убирая прилипшую прядь со лба.

— Как твоя рана? — спросила я.

— Не беспокой...

Данил нажал на кнопку, и изображение пропало.

— Скоро вы уже увидите, — с циничной улыбкой произнес он. — С ним правда всё хорошо. Пока все ведут себя должным образом.

Глеб откинулся на стуле, закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди, наблюдая за происходящим, как зритель в театре.

Почему молчит его дядя? Он одобряет его действия? Они же с моим отцом друзья?

Точно, я же забыла. В их мире нет ни дружбы, ни любви.

Я чувствовала, как злость копилась внутри. Однажды этот чан наполнится, и я опрокину его на него. Тьма затягивает меня всё глубже. И убийство Данила уже не кажется таким страшным.

Бездушным.

Беспощадным.

— Чёртов ублюдок, — тихо прошипел отец.

— Что? Не расслышал, — Данил изобразил удивление. —

Вы сказали, что я буду лучшим мужем и зятем, да? — он откровенно издевался и питался его бурлящими эмоциями.

— Именно так папа и сказал, — надменно подхватила я.

— Тогда я рад, — ухмыльнулся Данил. — Завтра приедешь ко мне в кабинет. Нас будут ждать декоратор, организатор и стилист. Свадьба пройдет в нашем саду. Примерно пятьсот человек. Все должны видеть, что ты — счастливая женщина.

— Как можно показать то, чего нет? — иронично усмехнулась я и воткнула вилку в кусок мяса.

— Значит, возьми курсы актёрского мастерства. Время ещё есть, — ухмыльнулся он. — Но один неверный шаг — и наш первый день совместной жизни ты проведёшь в слезах и сожалениях о брате. А сейчас нам нужно обсудить кое-какие дела с твоим отцом.

— Какие дела?

— Выйди! — приказал он и откинулся на спинку стула.

— Это тебя не касается.

— Я останусь, — твердо отрезала я.

— Ты свободна, — повысил голос отец.

— Я останусь, — упрямо повторила я.

— Женщины не принимают участия в переговорах, — вежливо вмешался Глеб.

— Я участвовала в них с Алексом, — вырвалось у меня.

Я *хотела* знать, о чём они будут говорить. Возможно когда-нибудь эта информация мне сможет пригодиться.

— Его здесь нет. Выйди, — строго сказал Данил. Имя брата разозлило его.

— Нет, — настаивала я.

— Пошла отсюда! — заорал отец и ударил кулаком по столу, посуда рядом зазвенела. — Где твои манеры?

Я промокнула губы салфеткой, встала и швырнула её в центр стола.

— Их нет. У меня же не было отца, который мог им меня научить. Приятного аппетита.

С треском захлопнула за собой двери и спустилась к морю.

Это было единственное место, где я чувствовала себя спокойно. И единственное место, где казалось, что я ближе к Алексу. Когда кожу трогал ветер, я будто ощущала его прикосновения.

Нежные.

Трепетные.

Воздушные.

Едва уловимые.

Так ведь не должно быть, да? Я должна ненавидеть его.

Ненавидеть. Ненавидеть всем сердцем.

Что твориться со мной?

С каждым днём любовь росла и глушила эту ненависть.

Вместе с этим и усиливалось сожаление. Я никогда в жизни не чувствовала себя настолько одинокой. Холодный ветер гулял по пустым коридорам моей души.

В тот день кровь застыла в жилах.

Заледенела.

Врата тьмы уже открыты и бросают длинные тени на мою светлую сторону.

Скоро я войду в них и сяду за стол напротив дьявола. Но он не знает, что я стану его главным кошмаром.

ГЛАВА 5

АНЯ

Две недели пролетели

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.